

ISSN 0042-8779

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7

2004

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7/2004

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- Записка бывшего военного агента в Софии Г.Д. Романовского о деятельности Фердинанда Кобурга, 1916 год. Публикацию подготовил **В.Б. Каширин** 3

СТАТЬИ

- Н.Л. Рогалина** — Аграрный кризис в российской деревне начала XX века 10
- Н.Н. Петрухинцев** — Причины закрепощения крестьян в России в конце XVI в. 23
- В.А. Зубачевский** — Взаимоотношения Польши, России и Германии в 1920 году 41

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- С.Ф. Блуменау** — Жак Неккер 56

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- Е.А. Григорьева** — У истоков теории и практики российских «марксистов» 77

СООБЩЕНИЯ

- С.Г. Сизов** — Идеологические кампании 1947—1953 гг. и вузовская интеллигенция Западной Сибири 95

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

Дел. Митинг
1688 п.и.

Ю.В. Братющенко — Офицерские экономические общества в годы русско-японской и первой мировой войн	104
---	-----

Т.А. Васина — Камские горные и оружейные заводы во второй половине XVIII — первой половине XIX вв.	116
--	-----

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

И.В. Павлова — Американский историк-русист о времени и о себе	126
--	-----

О.В. Каримов — Советская военно-морская разведка в годы гражданской войны	131
--	-----

П.К. Соловьев — Ведомственная цензура в России при Николае I	139
---	-----

С.А. Толстогузов — Покушение на Ии Наосукэ	146
---	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ

М.Е. Ерин — Историография ФРГ о советских военнопленных в фашистской Германии	152
--	-----

А.А. Комзолова — Д.А. Милютин. Воспоминания. 1863—1864	161
---	-----

Л.П. Лаптева — История культур славянских народов. Том I. Древность и средневековье	163
--	-----

Р.А. Киреева — Н.И. Павленко. Михаил Погодин	166
---	-----

В.И. Журавлева — М.М. Сиротинская. Американское общество и Французская республика. 1848—1852 ...	168
---	-----

М.И. Мельтюхов — В.Н. Барышников. Вступление Финляндии во вторую мировую войну. 1940—1941 гг.	172
---	-----

У истоков теории и практики российских «марксистов»

Е.А. Григорьева

Весной 1918 г. хоронили Г.В. Плеханова — по утверждению его соратников, «идейного вождя русского рабочего движения». Однако, по их же свидетельству, в похоронной процессии участвовали лишь немногие его сподвижники, и не было в ней ни одного рабочего, ни одного представителя правящей партии. Плеханов был яростным противником большевизма. Между тем именно партия большевиков, став правящей, возвела его на пьедестал «выдающегося деятеля международного рабочего движения», а его концепцию истории борьбы за переустройство России превратила в официальную.

Основополагающим в ней был тезис о враждебности всех течений российского освободительного движения научному социализму, марксизму. Идеи В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, П.Л. Лаврова были искажены, а их последователи отождествлены с бунтарством, анархизмом, в конечном счете «с одной реакционной массой», подлежащей уничтожению. Корнем российского марксизма Плеханов считал группу «Освобождение труда», а себя считал его родоначальником, обеспечившим якобы проникновение и распространение марксовой теории в России. Большевикам импонировала эта легенда: с одной стороны, она подтверждала «родовитость их происхождения», с другой — обосновывала политику третирования, а затем и физического уничтожения антибольшевистского инакомыслия. Не поздоровилось и тем, кто в первые десятилетия XX в. продолжал разрабатывать плехановскую концепцию, но, соприкоснувшись с документальными источниками, позволил себе усомниться в некоторых ее положениях, особенно касавшихся моральных истоков плехановской группы «Освобождение труда». Чтобы пресечь подобные сомнения, исследователям был закрыт доступ к журналам, где до начала 1930-х годов публиковались документы, переписка и мемуары участников освободительного движения. Не всем исследователям и далеко не все материалы стали доступны и в середине 1950-х годов. Когда доступ все же расширился¹, охранители официальной концепции не допустили ее полного переосмысления, поступились лишь тезисом о враждебности предшественников социал-демократии марксизму, заменив его тезисом о враждебности их группе «Освобождение труда»; Плеханов, по этой схеме, обеспечивал «прорыв» марксизма в Россию. Легенда оставалась легендой. Такие легенды могут жить лишь в стесненных общественно-политических условиях. В действительности не было ни «проникновения», ни тем более «прорыва».

ва» марксизма в Россию. Интерес К. Маркса и Ф. Энгельса к России и россиянам к этим и другим европейским мыслителям XIX в. был взаимным.

По словам Энгельса, интерес к развитию «социальных институтов славянских народов», и прежде всего в России, уже в 1852 г. побудил его заняться изучением русского языка. В 1870 г. русским языком овладел Маркс. «Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом положении России», он изучал его (положение) «по русским оригинальным официальным и неофициальным источникам». Особенно его интересовали аграрные отношения в России. Об этом он говорил в беседе с Г.А. Лопатыным во время их первой встречи в 1870 г. в Лондоне, об этом писал он Н.Ф. Даниельсону 12 декабря 1872 и в последующие годы ². Лавров рассказывал Д.Б. Рязанову о том, «какое огромное количество труда Маркс потратил на изучение России, чтобы составить себе самостоятельное суждение о путях ее экономического развития, и ему (Лаврову) было приятно с ним беседовать». Подтверждением этого служит эпистолярное наследие Маркса и Энгельса, состав русских книг в их библиотеках и многочисленные, пространные заметки на полях тех книг, которые их заинтересовали ³.

Профессора-экономисты российских университетов с начала 1870-х годов знакомили студентов с новейшими экономическими теориями. У В.П. Воронцова было основание утверждать: «Экономическое учение Маркса является общепризнанной теорией в России» ⁴. И сам Маркс в 1880 г. писал: «В России... “Капитал” больше читают и ценят, чем где бы то ни было». По словам Энгельса, «все, что выходило из-под пера Маркса, обратило на себя внимание в русских кругах». И сам Маркс с удовлетворением отмечал «быстрое распространение его теорий в России» ⁵. Это было сказано в декабре 1882 г., тогда, когда Плеханов в статье «Социализм и политическая борьба» выдвинул тезис о враждебности народничества и народовольчества марксизму и нежелании россиян изучать «теорию великих учителей “пролетариев всех стран”».

Объясняя, чем вызвана эта популярность, Энгельс писал: в Германии, во Франции, в России «лучшие люди в рабочем движении» относятся к Марксу «с полным доверием», и «в решительные моменты они обращаются к нему за советами и обычно убеждаются в том, что его совет самый лучший... Эти люди сами приходят к нему». С этим заявлением Энгельса можно сравнить мнение П.Б. Аксельрода, соратника Плеханова, который в это же время на конгрессе в Хуре обвинил российских революционеров в самобытничестве, в игнорировании опыта западноевропейского рабочего движения. И Маркс и Энгельс ценили то, что американские рабочие боролись за законом регулируемый порядок взаимоотношений между работодателями и рабочими, и то, что в России революционеры постепенно осознавали завоевание демократических свобод как первоочередную и почетную задачу. На суде А.И. Желябов отмежевывал «Народную волю» от анархизма. «Мы — государственники, не анархисты... Мы требуем политических свобод, столь ценимых на Западе и желанных на Востоке» ⁶.

Плеханов не мог не знать этого, так как отчеты о политических процессах тогда еще печатали в периодической печати. В.Н. Фигнер, член Исполнительного комитета «Народной воли», заявила на суде: «Собственно, я не придаю значения тому, стоит ли у нас в программе республика или конституционная монархия... воплотится в жизнь лишь та форма государственного устройства, к которой общество окажется подготовленным» ⁷. Не без боли происходило это осознание первоочередных задач. Товарищ С.М. Кравчинского Л.Б. Гольденберг с горечью писал: «Национал-либералы начинают уже проглядывать весьма ясно в нашей революционной партии. Да, не миновать нам, как видно, конституции с Бисмарком во главе. Стоило умереть за это на виселице». Другой товарищ Кравчинского, Н.В. Чайковский, писал о стремлении «Народной воли» «похоронить, замуровать русское революционное движение в буржуазной могиле». Соглашаясь со своими друзьями, Кравчинский обратил их внимание на то, что письмо Исполнительного комитета

«Народной воли» Александру III — «заявление самое разумное из всего того, что печатала «Народная воля», но заключил: «Трудно нам, социалистам, пожимать руки буржуазии, но ничего не поделаешь, брат: ирония, горькая, обидная, ирония истории, но несомненно: истории, против которой, как против рожна, трудно прати»⁸.

О реакции Плеханова, Аксельрода, Дейча и их единомышленников на программу «Народной воли», отражавшую ее первоочередные стремления, писал Маркс в ноябре 1880 года. Программа, «недавно тайно отпечатанная и изданная в Петербурге, вызвала большую ярость среди русских анархистов в Швейцарии, издающих в Женеве “Черный передел”... Это люди (не все) являются теми, кто добровольно покинул Россию, образуют, в противоположность террористам, рискующим собственной шкурой, так называемую партию пропаганды (чтобы вести пропаганду в России, они уезжают в Женеву!)... Эти господа против всякой революционно-политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархо-коммунистически-атеистический рай!»⁹

По признанию Л.Г. Дейча и Аксельрода, их группа, во главе которой стоял Плеханов, тогда действительно питала надежду на крестьянскую революцию, отрицательно относилась к борьбе за политические свободы и полностью игнорировала городское население¹⁰. Прав был Маркс и в том, что, уезжая в Женеву, они спасали себя, но от чего? Ведь Дейч утверждал, что летом 1880 г. не было опасности ареста непосредственно для Плеханова и его единомышленников и, находясь в Одессе, они не вели речи об отъезде за границу. Однако Плеханов уехал, а вместе с ним Дейч, Аксельрод, Я.В. Стефанович — все руководство «Черного передела». Прав был Маркс, назвав их доктринерами, путанными анархо-социалистами и противопоставив им народовольцев, «людей дельных, без мелодраматической позы, простых, деловых, героических. Фразерство и дело — непримиримые противоположности». Народовольцы стремятся «убедить Европу, что их способ борьбы является специфически русским, исторически неизбежным способом действия, по поводу которого так же мало следует полемизировать — за или против, как по поводу землетрясения в Хиосе»¹¹. И сами народовольцы указывали на преходящую обусловленность своего террора. Исполком «Народной воли» заявил протест против покушения анархиста Ш. Гито на президента США Д. Гарфилда. «В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей, — разъяснял ИК, — в такой стране политическое убийство как средство борьбы есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей. Деспотизм личности и деспотизм партии одинаково предосудительны, и насилие имеет оправдание только тогда, когда оно направляется против насилия». «Террор — ужасная вещь, — говорил Кравчинский, — есть только одна вещь хуже террора: это безропотно сносить насилия»¹². Признание ли террора в программе и практике «Народной воли» было причиной разрыва Плеханова с лидерами этой партии летом 1879 г., его отъезда за границу летом 1880 года и пребывания там вплоть до 1917 года? Отнюдь нет. Террор не был исключен из второго проекта программы социал-демократов, составленного Плехановым в 1887 году.

Может быть, строгая определенность выстраданных идейно-теоретических принципов определила действия Плеханова в 1879 и 1880 годах? Тоже нет, это видно из позднейшего отклика Плеханова на предложенные ему россиянами программные документы. В их теоретических представлениях и в определении тактики борьбы за десять лет произошли перемены. И вот отклик на эти изменения Плеханова: «Мы можем сказать, что мы победили. О “Народной воле” в программе нет ни слова; правда, речь идет о терроре, но, спрашивается, возможно ли нам открыто восставать против террора (скрыто можно делать что угодно. — Е.Г.), когда даже “Свободная Россия” (а, следовательно, и Драгоманов) решила высказаться за террор... Ввиду этого нужно

быть осторожными»¹³. Не случайно на первом месте заявления Плеханова о «нашей победе» стоит: «О “Народной воле” в программе нет ни слова», — так сильна была личная неприязнь Плеханова к основному составу ИК «Народной воли» даже тогда, когда одни из них были повешены, другие находились в заключении в Шлиссельбургской крепости.

В 1879 г. Плеханов претендовал на лидерство. Но А.И. Желябов, В.Н. Фигнер, С.Л. Перовская, А.П. Прибылева-Корба, М.Н. Ошанина, Н.И. Кибальчич и другие выдающиеся деятели «Народной воли» стремились не допустить в своей среде деспотизма личности, будучи противниками также и деспотизма партии. А Плеханов был склонен, по его собственному признанию, «к якобинству и излишней централизации» и свои представления, какими бы они ни были в тот или иной момент, он отстаивал с яростью. Те, кто знал его молодым, вспоминали, что Плеханов никогда не принимал участия в обсуждении каких бы то ни было проблем в спокойной беседе; в этом случае, вспоминал Дейч, он непременно уходил в другую комнату. Он предпочитал полемику, в которой был ядовитым, безапелляционным и никогда не стремился убедить своего противника. Обращаясь к свидетелям спора, он старался высмеять, скомпрометировать своего оппонента. В спорах искал не истины, а победы и не допускал возможности хотя бы частичной правоты своего оппонента. «Экое ядовитое жало ваш Жорж», — говорил Желябов Дейчу, который тоже страдал от пренебрежительности Плеханова, отмечая его нетерпимость ко всякому инакомыслию. «Плеханову очень вредят его приемы полемики» — это мнение еще одного единомышленника Плеханова, Стефановича. Из Карийской ссылки он писал: «На моем месте он давно бы со всеми здесь перессорился». Не случайно в 1912 г. самые близкие соратники Плеханова вынуждены были обратиться с открытым письмом к ветеранам — Засулич и Аксельроду, в котором отмечали те же его склонности, из-за которых народовольцы не допустили лидерства Плеханова над собой. Плеханов «имеет смешную претензию отождествлять партию с собой... третирует младшее поколение партийных работников, как послушных и непослушных школьников». Авторы этого коллективного письма соединяли ум Плеханова с душой дона Базилио¹⁴.

А тогда, в 1880 г., зная, что Плеханов и его единомышленники мотивировали свой отъезд за границу стремлением «объединить разрозненные революционные силы на основе чернопеределческой программы», народовольцы, адресуясь к ним, требовали «не вникать в суждения о социально-революционной партии, пока они за границей, пока они беспочвенники»¹⁵. Но Плеханов проигнорировал требование народовольцев — он мог прислушаться только к суждению общепризнанного авторитета. Таким авторитетом для Плеханова пока оставался Лавров, признанный хранитель идейно-нравственной чистоты движения, и чернопеределцы попытались заручиться его поддержкой своим планам. Особенное значение имела широкая популярность Лаврова и его многолетние связи с Марксом и Энгельсом. Неожиданный отказ Лаврова они объяснили удаленностью Женевы от Парижа. «Живи мы в Париже..., — самоуверенно писал Дейч Аксельроду, — мы привлекли бы Лаврова на свою сторону»¹⁶. Но Лаврова отталкивали личные качества Плеханова.

Тогда обратились к Марксу. Письмо, отправленное Марксу за подписью Засулич (ее уже знали, Плеханова — нет) было коллективным. Пока Маркс трудился над пятью вариантами ответа на это письмо, чернопеределцы успели что-то почитать и понять несовпадение своих представлений с представлениями Маркса по затронутым в письме вопросам. Поэтому, спрашивая у Р.М. и Г.В. Плехановых, получили ли они ответ Маркса, Дейч приписал: «Хорошо бы нет». В ответе чернопеределцам Маркс назвал их изложение его учения «моей мнимой теорией», подчеркивая, что в обсуждаемых вопросах «решающими являются условия внутри страны, а они меняются», и советовал чернопеределцам «изучать именно эти условия».

Судя по приписке Дейча, группе не нужен был ни ответ, ни совет «великого учителя “пролетариев всех стран”». У Плеханова были иные планы. Он

«хотел изнутри взорвать партию “Народная воля” и дать новое направление ее деятельности»¹⁷, — писала Засулич.

После 1 марта 1881 г. им казалось, что настал момент возвратиться и возглавить движение. «Как хорошо было бы двинуться в Россию организованной группой из 6-8 человек спевшихся радикалов»¹⁸, — мечтательно писал Дейч Аксельроду 17 марта 1881 года. В «стан погибающих» Плеханов не собирался отправляться. Спевшиеся радикалы остались в Женеве, в Россию уехал один Стефанович с целью из самого центра гибнущей партии добыть материалы, которые могли бы подтвердить правомерность стремления Плеханова «взорвать НВ изнутри».

Вслед Стефановичу Дейч отправил письмо, негодуя на то, что еще оставшиеся на свободе народовольцы продолжают действовать не так, как надлежало бы. Речь шла о согласии россиян организовать за границей издание журнала «Вестник “Народной воли”». Предложение было сделано Лаврову в сентябре 1881 года. Письмо Дейча не позднего происхождения: оно было обнаружено у Стефановича при аресте 6 февраля 1882 года. Группа Плеханова воевала за право возглавить редакцию «Вестника». «Из России предложили приступить к изданию за границей журнала, и поручалось это Лаврову и Кравчинскому. Плеханов не был в числе учредителей», — негодовал Дейч, в миг превратив Лаврова из авторитета в презренного эклектика. И продолжал: «Еще менее Кравчинский может быть в редакции “Вестника НВ”, так как способен на компромиссы (!)... Он талантлив, но беспринципный, невежествен... можно ли ему одному предоставить такое серьезное дело»¹⁹. Между тем с «эклектиком» предпочитал общаться Энгельс; «беспринципный невежда» был «одним из самых желательных гостей в его доме в продолжение долгих лет»²⁰. С Лавровым и Кравчинским предпочитали общаться видные деятели Европы и Америки, с ними поддерживали связи действовавшие в России представители различных течений российского освободительного движения без каких-либо перерывов, пока они не ушли из жизни (в 1895 и 1900 гг.).

Из первого же письма, отправленного Стефановичем после ареста, узнаем, что Плеханов уже работал над сочинением, в котором собирался «разделить народовольцев под орех». Стефанович успел отправить ему недостававшее «подтверждение» правомерности его замысла против ИК «Народной воли». Таким «подтверждением» послужило письмо «Заграничным товарищам ИК “Народной воли”», «отредактированное» либо самим Стефановичем, либо при участии «чистого террориста» Г.Г. Романенко. Это письмо сохранилось в архиве группы «Освобождение труда», тогда как в архиве Лаврова имелось другое письмо под тем же заглавием, но без «радикалов» и прочей присущей плехановцам терминологии и идеи о «захвате власти».

По-видимому, Стефанович забыл на столе на конспиративной квартире черновик отправленного Плеханову письма. Его-то и прочитали М.Н. Ошанина и Л.А. Тихомиров и сообщили об этом другим членам ИК, в частности Корбе. Потребовали сжечь письмо, а Стефановичу сделали серьезное внушение. В декабре 1881 г., вспоминала Корба, Стефанович вел себя корректно, но вскоре был арестован. По содержанию первого письма из крепости Кравчинский понял, что Стефанович вступил в сотрудничество с В.К. Плеве, директором Департамента полиции, и Г.П. Судейкиным, тогда начальником Петербургского губернского жандармского управления (ГЖУ), назначенным в декабре 1882 г. главой секретной полиции всей империи. Судейкин рассчитывал проникнуть в центр «Народной воли» и развалить ее изнутри до основания. «Взорвать НВ изнутри» Плеханова толкала жгучая личная неприязнь к народовольцам, а Судейкина — служебное рвение. Выходит, когда Стефанович спрашивал в письме Плеханова, как продвигается его работа по «разделяванию народовольцев под орех», он отражал уже не свой интерес, а главы сыскной полиции.

Кравчинский сообщил о своей догадке Дейчу, но тот прикрыл друга. «Злодейство рождает злодейство», — гласит латинская пословица. След ноч-

ных откровений Стефановича с Судейкиным — облава в Петербурге в ночь на 5 июня 1882 г., когда жандармы арестовали сразу 120 человек, в их числе двух членов ИК «Народной воли», М.Ф. Грачевского и Корбу. Именно тогда вынуждены были эмигрировать Ошанина и Тихомиров. О роли Стефановича в этом разгроме они могли не знать, но сообщили «заграничным товарищам» о его причастности к мнимому письму. Это сообщение взорвало плехановцев, и на время были оставлены споры о составе редакции «Вестника». Вот их реакция на разоблачение подлога: «Не будь с ними Лаврова, так и плевать на их обвинения». Это реакция людей с двойной моралью и коварных. 27 июля 1883 г. Дейч писал: «Ввиду категорического нашего решения никогда не соединяться с народовольцами (чего мы им, впрочем, не хотим еще заявлять), даже если бы они теперь захотели, — нам нужно так или иначе существовать открыто». Не хотели открыто заявлять о разрыве до тех пор, пока Плеханов завершал свои статьи. Даже сделали вид, что смирились, что готовы сотрудничать, «так как со всем согласны». Написали об этом Кравчинскому. Этот знаток движения человеческой души ответил: «Из вашего же письма следует, что вы почти ни с чем не согласны? Зачем же переворачивать роль и выражать надежду, что соглашение воспоследует... потому что логика на вашей стороне?»²¹

От Э. Бернштейна, жившего в Цюрихе и поддерживавшего связь с плехановцами, Энгельс знал, вокруг каких вопросов разжигает полемику Плеханов. Свои и Маркса представления по этим вопросам Энгельс излагал в письмах А. Бебелю, Э. Бернштейну, К. Каутскому, В. Либкнехту, чуть позже Засулич и Плеханову²². Он писал: противопоставление «нас, социалистов, всей остальной колонне — одной реакционной массе: так не бывает... Нужно быть невеждой, чтобы вообразить, будто достаточно назвать их “реакционными”, чтобы справиться с ними... Решающими являются условия внутри страны и за границей, а они изменяются, не являются застывшими... Пока идет процесс (а он длительный и в России жестокий, по словам Маркса), двигаться к власти значит оттачивать свои теоретические принципы, воевать за массы, участвовать в борьбе со всеми политическими течениями и партиями, готовиться к неизбежному великому размежеванию народа, в котором он проявит свое отношение к проявившимся истинным стремлениям политических партий. На каждом этапе борьбы одни партии будут приближаться к цели, другие — отдаляться, обнаруживая в этой политической борьбе свое истинное лицо, свои истинные стремления. На этом пути социалисты, возможно, неоднократно будут терпеть поражения. Однако, если они — серьезная политическая партия, защищающая интересы масс, они не должны отказываться от участия в этой поэтапной борьбе и обязаны вовлекать в нее все новые и новые силы трудящихся... Если же мы захотели начать революцию с конца, то нам бы не повздорилось»²³. Эти же вопросы Энгельс обсуждал с Г.А. Лопатыным. Лопатин, бежавший из сибирской ссылки, побывал в Лондоне у Энгельса. С припиской: «Они будут приятны для вас» — Лопатин изложил содержание обсуждавшихся во время беседы вопросов в письме Ошаниной. «Мы много говорили о русских делах, — сообщал он, — о том, как пойдет, вероятно, дело нашего политического и социального возрождения. Как и следовало ожидать, сходство взглядов оказалось полнейшее». И Энгельс (как и Маркс) считает, что «задача революционной партии действия в России в данную минуту не в пропаганде нового социалистического идеала и даже не в стремлении осуществить этот далеко еще не выработанный идеал с помощью составленного из наших товарищей временного правительства, а в направлении всех сил к тому, чтобы 1) принудить государя созвать Земский собор, 2) или же путем устранения государя и т.п. вызвать такие глубокие беспорядки, которые привели бы иначе к созыву этого собора или чего-либо подобного... Он считает невозможной чисто либеральную конституцию, без глубоких экономических перестроек, и потому не боится этой опасности... Он верит, что, раз начавшись, это переустройство, или революция, не может быть остановлена никакими силами. Важно поэтому только одно: разбить

роковую силу застоя, выбить на минуту народ и общество из состояния косности и неподвижности, произвести такой беспорядок, который бы принудил правительство и народ заняться внутренним переустройством, который всколыхнул бы спокойное народное море и вызвал бы всенародное внимание и всенародный энтузиазм к делу полного общественного переустройства. А результаты явятся сами собой, и именно те, которые возможны, желательны, осуществимы для данной эпохи». Непосредственно о плехановской критике идеи «захвата власти» Энгельс высказался в письме к Засулич: «Предположим, эти люди (народовольцы. — *Е.Г.*) воображают, что могут захватить власть, — ну и что? Пусть только они пробуют брешь, которая разрушит плотину, — поток быстро сам положит конец их иллюзиям... Если бы эти иллюзии придали им большую силу воли, стоит ли на это жаловаться?.. Помоему, самое важное — чтобы в России был дан толчок, чтобы революция разразилась. Подает ли сигнал та или иная фракция, произойдет ли это под тем или иным флагом, для меня не столь важно»²⁴. Энгельс твердо держался такого взгляда; об этом свидетельствует данное им согласие на публикацию содержания его беседы с Лопатиным в 1892 г., а также его письма Ф. Зорге (1890 г.), Каутскому (1891 г.), беседы с Ш. Раппопортом, Н.С. Русановым, А. Воденом (1893, 1894 гг.). Беседуя с Энгельсом, Воден, русский социал-демократ, рассказал ему о жалобах Плеханова на то, что его обижают народовольцы. Смеясь, Энгельс ответил: «Не обидит ли тот самого себя, кто обидит Плеханова?»²⁵

В работах «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» Плеханов исходил не из изучения внутренних условий России, развиваемые им положения не отражали ее истинного положения, не были они и результатом всестороннего анализа документов «Земли и воли» и «Народной воли»; они не согласовывались с тем, что накопила практика освободительной борьбы в России, как и общественно-политическая мысль, в том числе и марксистская, к тому моменту, когда Плеханов приступил к их изучению. Аксельрод утверждал, что Энгельс неодобрительно отнесся к этим двум сочинениям. Они не привлекли его внимания. Неприязнь к народовольцам выразилась в этих двух сочинениях Плеханова в существенном искажении исторических фактов.

Но вернемся к лету 1883 г., к тому, чем руководствовались в своих поступках плехановцы и единомышленники Лаврова. Решив (про себя, не вслух) «никогда не соединяться с народовольцами», плехановцы вслух объявили о «готовности присоединиться сейчас», но «лишь на программе, соответствующей нашим убеждениям, и в качестве группы». А про себя, не вслух: «Мы отлично знаем, что они не согласятся на наше присоединение группой». Но народовольцы согласились. Тогда ва-банк пошел Плеханов. Передавая рукопись статьи «Социализм и политическая борьба» в редакцию «Вестника», он заявил Лаврову, что, как марксист, «готов прокрустово ложе сделать из «Капитала» Маркса и требует, чтобы в его статье ничего не менялось, ничего не переставлялось. Это вслух, а про себя: «Жорж будет рад, если они его статьи не примут»²⁶. Однако статья Плеханова появилась в «Вестнике «Народной воли»» — с комментариями Лаврова.

По поводу ее теоретической части Лавров заметил: «Я не нахожу, чтобы автор, как обещал, вывел политическую деятельность именно из «научного социализма», т.е. из марксовой теории»²⁷. И он был прав. Но статью рекомендовал читателям, хотя в ней немало было противоречивых и взаимоисключающих моментов. Вот один из них: в четырех местах статьи Плеханов утверждал, что «Народная воля» «шла по настоящей дороге, придавала большое значение пропаганде среди рабочих, превратив эту работу в важную политическую тенденцию», а в то же время — что она «не издала ни одной книжки для рабочих, не организовала ни одной типографии»²⁸.

Имел неосторожность высказаться и Тихомиров. Не по рассказам знал он о пропагандистской работе своих товарищей, он сам в ней участвовал, поэтому его замечание касалось именно фактической части статьи Плехано-

ва. «Статья недурна, интересна и полезна, — писал он, — если бы не историческая часть». И получил в ответ шквал оскорблений. В августе 1883 г., согласно его записи, «приходили Дейч и Плеханов, страшно скандалили и даже грозились меня убить». При чем же здесь «наши убеждения или верность марксовской теории?»

В октябре 1883 г. появилось объявление о том, что плехановцы создали свою самостоятельную группу и дали ей название «Освобождение труда». Именно тогда Лавров заявил: «Я уважаю ум Плеханова, но не доверяю ему как человеку».

О направленности практической деятельности этой группы Дейч откровенничал в письме к Аксельроду в ноябре 1883 г.: «Отсюда влиять на создание в России нужной нам группы... Надо иметь лиц, которых, “обворожив” прелестями (!) своей группы, можно было бы выпроваживать в Россию... Спровадить несколько человек отсюда, на которых можно положить в России... а затем мне двинуться туда, имея уже какую-нибудь среду, атмосферу там»²⁹.

Обвораживать, выпроваживать, спроваживать — это в течение долгих десятилетий истолковывали нам как «проникновение» и «прорыв» марксизма в Россию.

А Лопатин поехал в Россию сам, и для этого требовалось мужество и личная ответственность перед младшим поколением. Но Тихомиров не предупредил его о том, что в стане народовольцев орудует провокатор С.И. Дегаев, а плехановцы скрыли от него факт сотрудничества Стефановича с Плеве и Судейкиным. К счастью, Судейкину немного дали откровения Стефановича³⁰.

Вот перечень обязанностей, которые сам себе определил Лопатин в России: 1) отделить «пшеницу от плевел», то есть избавиться от агентуры Судейкина в рабочих и студенческих кружках; 2) отделить «чистых от нечистых», то есть распознать тех, кого Судейкин—Дегаев (о их роли Лопатин узнал уже в России) специально оставили «под колпаком» на воле, и убедиться в «исправности» тех, кто не зафиксирован тайной полицией; 3) объединить обломки местных групп; 4) наладить типографии; 5) изыскать средства. У Лопатина были сильные плечи. И все же, по его словам, груз оказался «чудовищным для единичной личности». Его мотало по городам и весям — от Прибалтики до Причерноморья...

Лопатин успел организовать работу типографии. В сентябре 1884 г. в ней был отпечатан номер 10 «Народной воли». По-видимому, Лопатин был причастен к содержанию передовой статьи в этом номере. В ней содержался ответ на статьи Плеханова: «Напомним нашим строгим критикам, что успех деятельности зависит не от одних стараний и даже не от одной умелости, а в гораздо большей степени от объективных условий. Нельзя сделать больше того, что возможно при данных условиях, и “Народная воля” сделала в народе во всяком случае больше, чем кто другой... Мы идем не только за народ, но и с народом и прежде всего создаем небольшие, но испытанные кадры среди рабочих для связи с остальной массой и крестьянством»³¹.

Поскольку «обворожить» в 1884 г. никого не удалось, с грузом литературы от группы «Освобождение труда» в Россию отправился Дейч, но был арестован при переходе российской границы — «поработал» Ландезен, он же Гартинг, Геккельман, Крафт, Петровский, Михайлов, Люсьен, Барр. Как свидетельствует Аксельрод, в группе наступило затишье: Засулич переживала арест Дейча, Плеханов занялся научной работой, а он, Аксельрод, был озабочен добыванием средств на существование всех оставшихся и жаловался на монотонность жизни в эмиграции во второй половине 1880-х годов.

Ссылаясь на первые две работы Плеханова, официальные историографы утверждали, что он «разгромил» народничество и народовольчество и «расчистил» дорогу сначала для «проникновения», потом для «прорыва» и распространения марксизма в России. Благодаря их усилиям, хрестоматийной стала фраза Плеханова о том, что теория Маркса осталась для народни-

ков «непрочитанной главой любимой книги», хотя, скорее всего, она осталась таковой для Плеханова и прочих так называемых «ортодоксальных марксистов».

По свидетельству Ошаниной, к началу 1887 г. в России исчезли всякие следы старой организации. Смертельный удар народофильству был нанесен политическими процессами 1885—1887 гг., старшее поколение революционеров-народников было выкошено.

Но не Плеханову принадлежала эта «заслуга». Этот смертельный удар был результатом усилий многих. Еще в марте 1880 г. в письме Александру II М.Н. Катков настойчиво убеждал императора содействовать утверждению нового университетского устава и одобрить реформу народного просвещения, подготовленную министром просвещения Д.А. Толстым и его заместителем И.Д. Деляновым. (В 1882 г., при Александре III, Толстой стал министром внутренних дел, а Делянов министром просвещения.) Как объяснял царю Катков, «успешным выполнением этой реформы смута была бы поражена в одном из главнейших источников»³². Теми же «заботами» была пронизана записка И.Н. Дурново, сменившего на посту министра внутренних дел Толстого. Александр III прислушался к совету Каткова и на деле первомайцев начертал: «Преграждай образование!»³³ Реформами Толстого—Делянова был ограничен прием «кухаркиных детей» в гимназии, а евреев — в средние и высшие специальные учебные заведения; была урезана автономия университетов, существенные препятствия чинились развитию женского высшего образования. Тогда же был издан негласный указ об уравнивании политических с уголовными арестантами, о применении розог, о совместной перевозке к местам каторги и ссылки политических и уголовных³⁴. Произвол и беззаконие по отношению к заподозренным в политической неблагонадежности, не говоря уже об осужденных, становились невыносимыми. Сами за себя говорят Карийская и Якутская трагедии, о которых с негодованием писала прогрессивная печать Европы и Америки на рубеже 1880—1890-х годов. Вот как отразил положение в стране в то время Н.К. Михайловский в нелегальной печати: «Тысячи русских людей сидят по тюрьмам и разным отдаленным и не столь отдаленным местам. Тысячи русской молодежи под разными предлогами не допускаются к среднему и высшему образованию. Казацкие нагайки хлещут на улицах первопрестольной студентов, виновных в том, что им дан сумасшедший инспектор. Земство не смеет пикнуть... Печать связана по рукам и ногам». «Скверно живется, — жаловался В.А. Гольцев А.И. Эртелю в 1886 году. — Все мы не под богом, а под жандармом ходим». Мрачно шутил М.Е. Салтыков-Щедрин: «У нас тихо, только шпионы одолели. Говорят, и в Финском заливе водятся»³⁵.

Уничтожение старшего поколения борцов за общественное переустройство было результатом усилий: Каткова, Толстого, Делянова, И.Н. Дурново, Плеве, Судейкина, Зубатова, а за границей в 1885—1910 гг. «злым гением» революционеров был П.И. Рачковский, наладивший агентурную сеть повсюду в Европе, где селились российские политические эмигранты.

Политические процессы с 1885 года проходили при закрытых дверях и без каких-либо признаков состязательности, отчеты об этих процессах уже не появлялись в открытой печати. Торжествовала победа система охраны, сыска и провокации. «Мы потрясли революционные ряды от Варшавы до Иркутска и от Архангельска до Крыма», — заявил прокурор М.М. Котляревский. И те, кто был близок к революционному подполью, признавали: «Режим заметно прочнее и усиливается»³⁶. Однако одержавшие победу не считали ее окончательной и готовились к новому противодействию крамоле. Затишье было кажущимся. Освободительное движение не прерывалось. «Брожение глубоко в низах народа», о котором писал Маркс, прочитав книгу В.В. Берви-Флеровского, теперь ширилось, вовлекая различные слои населения, проявляясь в самых различных формах. Вопреки утверждениям Аксельрода и Дейча о том, что в 1880-е годы «о революционном движении не могло быть и речи», «что никаких средств для получения верных сведений тогда у иностранцев, да и

отчасти у находящихся в эмиграции русских, не было»³⁷, — у тех, кто сохранил интерес к своей отчизне, к работе во имя ее общественного переустройства, — и связи были, и о состоянии движения они тоже знали. И хотя Плеханов тогда утверждал, что «жизнь в России мне теперь мало известна»³⁸, россияне, не знаящие об этом, обращались с просьбами и к нему.

Несмотря на все ограничительные меры, на ежегодное расширение сети охраны и ссыла, с середины 1880-х годов оживилась деятельность либералов, в первую очередь проявившаяся в просветительской деятельности. Социал-демократы с иронией относились к «малым делам», «светлым явлениям», «культурничеству». Однако таким путем хотя и медленно, но верно широкие массы освобождались от «косности и неподвижности», от темноты и невежества. Последователи таких педагогов-энтузиастов, какими были Х.Д. Алчевская, В.И. Водовозов и другие, создавали школы, библиотеки, избы-читальни в самой глубинке России, в уездах и волостях. Учебную и популярную художественную литературу, доступную по цене, большими тиражами выпускали И.Д. Сытин, Сабашниковы, А.М. Калмыкова, Н.А. Рубакин, М.В. Водовозова и другие издатели. Ученые, писатели, юристы, журналисты, профессора М.М. Ковалевский, В.А. Гольцев, А.А. Кизеветтер, А.А. Чупров, И.И. Янжул, С.А. Муромцев, А.Ф. Кони и другие, менее известные, попытались тогда организовать в либеральную оппозицию и сразу же были привлечены к дознанию. «Я не думаю, чтобы меня могли преследовать за либеральные убеждения, — говорил Гольцев в Московском ГЖУ. — На Западе, где есть свобода слова и печати, везде, где существуют парламенты, — там злейшие враги революции — либералы». Но охранители самодержавного режима на сей счет имели другое мнение — их пугало обозначившееся стремление либералов объединиться с народолюбцами против реакции во имя утверждения демократических свобод и созыва демократического Земского собора. Поэтому начальник московского ГЖУ Н.С. Бердяев ответил Гольцеву: «Либеральные требования относятся к задачам “Народной воли” как часть к целому... Союз либералов с народолюбцами по опасности знаменательный, а грустные результаты от него не заставят, как надо полагать, себя ждать в недалеком будущем»³⁹. Либеральной оппозиции пришлось обратиться за содействием к эмиграции. Весной 1887 г. Н.И. Кулябко-Корецкий привез деньги на издание печатного органа и предложил Плеханову, Засулич, М.П. Драгоманову, В.Д. Дебагорию-Мокриевичу, Степняку-Кравчинскому, И.А. Добровольскому изложить свои соображения относительно первоочередных задач борьбы за общественное переустройство. По прочтении всех ответов Кулябко-Корецкий пришел к заключению о возможности объединить усилия и издавать единый печатный орган. Под рубрикой «Письма эмигрантов» эти заметки были напечатаны в первом номере газеты «Самоуправление» в декабре 1887 года.

Ввиду вовлечения в общественное движение различных слоев населения и из-за разнообразия течений, участвовавших в нем, уже невозможно было «дать жизнь» одному, самому правоверному, течению, и возглавить его против остальной «одной реакционной массы». Однако именно к этой нереальной цели стремились плехановцы, назвав представителей либеральной оппозиции болотом. «Мы переживаем теперь кризис. Молодежь может удариться в либерализм», — озабоченно писал Аксельрод и выдвинул следующий ультиматум: «Или журнал отдается нам — редакторы вы и Вера (Плеханов и Засулич. — Е.Г.). Или, в крайнем случае, редакция народолюбческая (из старых народолюбцев или хотя бы из новых, с ними, надеюсь, мы столкнемся) с одним делегатом от нас и, пожалуй, от болота»⁴⁰. Каково рвение «возглавлять», «руководить», не приложив усилий ни к теоретической, ни, тем более, к практической работе!

От имени группы «Освобождение труда» Аксельрод обратился с предложением о сотрудничестве к Лаврову. Лавров категорически отказался и объяснил, почему: «Среди русских социалистов-революционеров в настоящую минуту важны, по-моему, не теоретические или даже практические разно-

гласия, а то, что мешает сближению групп в одну боевую партию против капиталистического мира и против правительства, стоящего на его охране». Лавров выражал готовность работать со всякой группой, заявляющей себя громко и ясно социалистами-революционерами и сумевшей фактически, в России, привлечь к себе крупные силы. Он был против союза с теми, кто «оскорбляет и раздражает других социалистов» и в полемике употребляет «раздражающее оружие личного оскорбления и презрительной насмешки, проявляет нетерпимость и нетоварищеское отношение к другим социалистам, в чем-то с ними не согласным»⁴¹. Нетрудно было догадаться, кого имел в виду Лавров.

Пятью годами раньше за это же осуждал группу Плеханова Кравчинский: «Возмущаясь всяким несогласием... вы разовьете тот дух рутины, косности мысли и даже придворного поддакивания, который убивает всякую жизнь, заменяя ее официальной мертвечиной». Ни Лавров, ни Кравчинский не отвергали право критики, но, как Чернышевский, были убеждены: «Критиковать, значит говорить, как бы сделал я, если бы умел». Или, правом критики может пользоваться лишь тот, кто хорошо знает дело. А в 1887—1888 гг. Плеханов утверждал, что тогда «о революционном движении в России не могло быть и речи»; «жизнь в России мне теперь мало известна»; «целые годы я жил только книжкой и, так сказать, для книжки... работа была отодвинута на будущее»⁴².

У Лаврова была работа. В 1884—1888 гг. он написал и отправил в Россию свои произведения: «Знание и революция», «Русской социально-революционной молодежи», «Задачи революционной пропаганды в России», «Революция или эволюция», «Через восемь лет», «Письмо товарищам в России. По поводу ренегатства Тихомирова». Хранитель нравственной чистоты борцов за общественное переустройство, он написал в 1887 г. самую злободневную работу «Роль и формы социалистической пропаганды», в которой анализировал пропаганду словом, делом и поступком. Последней форме пропаганды — пропаганде поступком — он придавал самое важное значение, поэтому по-прежнему не верил Плеханову как человеку и отказывался от сотрудничества с ним. Однако вскоре ему пришлось во имя дела перешагнуть через себя.

В 1886 г. Лавров получил из России «Вопросы для уяснения и выработки программы социально-революционной партии», составленные молодыми народолюбцами в России — самостоятельно, независимо от учителей, которые находились далеко и ждали момента, чтобы ею руководить. Лаврова просили присмотреться к «Вопросным пунктам» и по возможности составить по ним программу. В архиве Лаврова (ГАРФ, ф. 1762) сохранилась рукопись составленного им проекта программы. Чрезмерно детализированный, он был неудобен для использования в практике борьбы.

«Вопросные пункты» обсуждались в кружках в Одессе, Минске, Ярославле, Москве, Казани, Харькове, Дерпте. В Петербурге охранка обнаружила и ответ на эти «Вопросные пункты». В 1893 г. они были изъяты охранкой при аресте киевской группы социал-демократов, там же была изъята брошюра Лаврова «Ко всем честным людям»⁴³.

На основании собранных в разных городах России ответов были составлены письменные отчеты: О. Говорухиным (Петербург), Н. Рудевичем (Вильно). Устные отчеты были сделаны при встрече с Лавровым С.М. Гинсбург, О.Н. Фигнер (сестрой В.Н. Фигнер), А.Д. Копыловой, И.В. Дембо, Ш. Раппопортом⁴⁴. В мае 1887 г. группа молодых народолюбцев в Цюрихе основала издательскую организацию «Социалистический литературный фонд». По их просьбе организацию возглавил Лавров. В связи с тем, что в письменных и устных сообщениях из России говорилось о росте влияния социал-демократического течения, Лавров согласился сотрудничать в СЛФ с Плехановым. Они вместе участвовали в работе съезда, созванного по инициативе молодых народолюбцев. Разрозненные материалы об этом съезде имеются в бумагах Лаврова.

Обобщая сведения о группах, которые удалось посетить, Говорухин писал: «Одни разделяли воззрения Плеханова, другие воззрения “Народной воли” (отрицая захват власти), третьи были убеждены (из них, например, А.И. Ульянов), что программа “НВ” устарела, не удовлетворяет теперешним взглядам революционеров». Говорухин обращал внимание на то, что молодежь в эти годы занималась серьезной теоретической работой. «Особенно серьезно изучают, — подчеркивал он, — современное экономическое состояние России»⁴⁵. Судьба общины, причины разложения ее (!), причины и величина развития капитализма — это главные вопросы, которые интересовали всех». В отчете Говорухина перечислены вопросы, которые обсуждались в менее подготовленных и более подготовленных кружках, и сказано, что в зависимости от этого составлялись планы занятий и подбирались соответствующая литература. Наряду с социально-экономическими обсуждались и политические вопросы: 1) буржуазия и крупные землевладельцы; 2) крестьяне-земледельцы, кустари-ремесленники; 3) пролетариат умственного и физического труда. Продолжая отчет, Говорухин с горечью признавал, что в России тогда «не было совершенно людей теоретически современно развитых, какие бы могли разъяснить революционным кружкам спорные программные вопросы, а потребность в них страшная. Спрос на революционные издания возрастает не только количественно, но и требуется большая основательность, научность от революционного трактата. Все набрасываются на всё вновь выходящее, но как бы не удовлетворяются». Чем? «Вестником “Народной воли”», номерами 11 и 12 «Народной воли», «Листком “Народной воли”», работой Тана-Богораза «Борьба общественных сил в России»... Все это мало отвечает запросам современной молодежи, отмечал Говорухин и продолжал: «Плеханов (несмотря на свою непопулярность, несимпатичность за его неприлично-резкий грубый способ полемики) сильно распространяется, читается, но больше всего читают Маркса»⁴⁶. Это подтверждали Гинсбург в письмах Лаврову из России и перечни литературы, которую просили прислать в Россию участники движения и которую обнаруживала охранка во время обысков и арестов.

Все вопросы, которые интересовали тогда либералов, молодых народо-вольцев и социал-демократов, обсуждались на страницах изданных в эмиграции журналов и газет: «Самоуправление» (1887—1889); «Свободная Россия» (1889); «Свобода» (1888—1889); «Социалист» (1889); «Социал-демократ» (1889). В обсуждении приняли участие: К. Тарасов (Н.С. Русанов), Э.А. Серебряков, И.Н. Кашинцев, М.П. Драгоманов, Г.В. Плеханов, Н.К. Михайловский, И. Добровольский, В.Д. Дебагорий-Мокриевич. Степняк-Кравчинский в это время закончил большую работу на самую острую тему — «Русское крестьянство»; ее «очень хвалил Энгельс», который и посодействовал ее изданию в Штутгарте в 1892 г., как вспоминал К. Каутский⁴⁷.

Непосредственно к группе «Освобождение труда» обратился в 1889 г. представитель петербургских молодых народо-вольцев Ю. Раппопорт. Он привез деньги на издание журнала и программу своей группы. Прочитав ее, Плеханов заметил: «Общий дух ее, несомненно, наш». Но на предложение Раппопорта расширить состав редакции Плеханов ответил категорическим отказом от сотрудничества с «болотом», а в письме Аксельроду ответил: «Постепенно мы или исправим их, или расстанемся с ними»⁴⁸. Иначе говоря, подправим под собственные представления. Плеханов не мог допустить, чтобы кто-либо мог «учиться на своих собственных ошибках, умнеть за счет своих собственных потерь». Он далек был от этого представления Энгельса. Судя по материалам, опубликованным в указанных изданиях, и особенно по серьезно мотивированным выступлениям К. Тарасова, Э.А. Серебрякова, И.Н. Кашинцева, россияне, действуя в изменяющихся условиях, скорее отрекались от старых решений, яснее видели их односторонность, чем те, кто находился в эмиграции, более решительно стремились к преодолению односторонности. Плеханов ничем не мог им помочь, так как для этого нужно было оторваться от сидения над «книжкой для книжки» и включиться в жи-

вую работу по изучению России в самой России или хотя бы так, как это делали в свое время Маркс и Энгельс: изучали Россию по «оригинальным официальным и неофициальным источникам», которыми в течение долгих лет их снабжали Н.Ф. Даниельсон, Лавров и Кравчинский.

От жгучей личной неприязни к деятелям «Народной воли», от нетерпимости к инакомыслию Плеханов, как и предполагал Кравчинский в 1881 г., пришел к «придворному поддакиванию». Особенно отчетливо это поддакивание стало проявляться после того, как Плеханов впервые принял участие в работе I-го конгресса II Интернационала. 14 июля 1889 г. отмечалось столетие Французской революции. К этой дате была приурочена Всемирная выставка, к ней же марксисты приурочили работу конгресса вновь создаваемого Интернационала. Учредительная комиссия пригласила на этот конгресс Лаврова и Кравчинского. Лавров дал свое согласие лишь после того, как получил полномочия от реально действовавших организаций: Общества русских рабочих в Париже, группы социалистов-революционеров Петербурга, редакции журнала «Социалист», группы Молодых народовольцев, находящихся за границей. Эти организации были указаны в бюллетене конгресса. Кравчинский отказался от приглашения, мотивируя отказ тем, что не может быть представителем определенной организации, и предложил вместо себя Плеханова. Но Кравчинское и его деятельность хорошо знали в Европе, поэтому повторили приглашение без всякого представительства. По его совету пригласили на конгресс Плеханова, Засулич, Аксельрода в качестве представителей Союза русских социал-демократов, хотя этому Союзу, как таковому, еще только предстояло появиться в России в начале 1890-х годов.

Осчастливленный приобщением к сонму признанных в Европе и Америке лидеров социал-демократии, первое письмо к Энгельсу, с которым познакомился на конгрессе, Плеханов начал с обращения: «Мой Генерал!» Энгельс, личность творческая, демократичная, открытая, умея отличить благородство от лъстивости, достоинство от подобострастия, ответил: «Я не генерал. Мое имя по-русски Федор Федорович». В следующем письме обращение звучало иначе: «Мой учитель!» — «Я не учитель», — ответил Энгельс и повторил свое имя и отчество по-русски.

Стараясь отличаться теперь уже перед коллегами по Интернационалу, в предисловии к первому изданию книги А. Туна по истории революционного движения в России Плеханов утверждал, что «участники движения 70-х — 80-х годов XIX века были лишены крупных достоинств и презирали западноевропейскую социал-демократию. Если же обращались к ее истории, то изучали в ней лишь опыт бакунизма, превратившись в конце концов в славянофилов и анархистов». Такую же эволюцию, по утверждению Плеханова, проделали Лавров и лавристы, закрепившие якобы этой эволюцией традиции Белинского и Чернышевского. Упоминание об анархизме было не случайным: II Интернационал объявил решительную борьбу международному анархизму, и Плеханов во всю старался воспользоваться этим для самоутверждения, не останавливаясь перед наветами. Более того, на Брюссельском конгрессе (1891 г.) он заявил, что народники и народовольцы, анархисты вместе с Лавровым и лавристами, оказывали будто бы отрицательное влияние на российских рабочих, не подозревали об их революционной роли в общественной борьбе, свысока смотрели на рабочих. Плеханова несколько не волновало то, как будут восприняты его измышления еще живыми в то время Ошаниной, Кравчинским, Лавровым. Когда не стало их, Плеханов беззастенчиво заявил: пропаганда среди российских рабочих начата была лишь летом 1883 г. (в Женеве? — Е.Г.). Когда эту ложь повторил в историческом исследовании Ю.М. Стеклов, В.И. Ленин, тогда серьезно изучавший прошлое, сделал замечание: «Заслуга первых сношений с рабочими принадлежит не тем группам, на которые вы указываете, а чайковцам»⁴⁹, лавристам по своей сути.

Смолоду Плеханов, проявляя нетерпимость к инакомыслию, рвался к лидерству над теми, кого презирал. Так было, когда формировался Исполни-

тельный комитет Народной воли, так было, когда начиналось издание «Вестника “Народной воли”», так было в конце 1880-х годов. По-видимому, хронические формы принимала болезнь, называемая «вождизмом». Ее симптомы проявлялись и у его коллег по Интернационалу: Бебеля, Каутского, В. Либкнехта, Бернштейна и других, менее известных лидеров социал-демократии. Во время последней поездки по городам Европы, где его приветствовали рабочие на грандиозных митингах, Энгельс записал в дневнике: «Массы превосходны и лучше своих вождей... С такими массами можно достичь всего»⁵⁰. Симптомы «вождизма» Энгельс замечал даже и у своего друга Маркса. Его отношение к этому отражено в личных письмах к Женни Маркс. В узком кругу Энгельс заявлял: «Если Плеханов — марксист, то я — не марксист».

«Придворным поддакиванием» были и высказывания Плеханова о России, российском капитализме, о рабочих, буржуазии и российском крестьянстве. Знаток российского крестьянства, Кравчинский писал: «Вопрос о крестьянстве для русской социал-демократии чрезвычайно отягчающее обстоятельство»⁵¹. Плеханов решал его просто. В письме Либкнехту он заявлял в 1892 г.: «Часто в опровержение нашей точки зрения указывают на преобладание в России крестьянства. Против этого, прежде всего, мы должны возразить, что русское крестьянство представляет собой не класс, а сословие, в рядах которого имеются как капиталисты, так и настоящие пролетарии. Последняя четверть века принесла такое разложение старого крестьянского хозяйства, что кажется просто пошlostью противопоставление России Западу, как страны, где господствует крестьянское хозяйство! После голода последнего года началась агония старых хозяйственных условий России». Поэтому, продолжал Плеханов, «вопрос следует ставить не в форме: крестьянство или рабочий класс, а правильное: “общество” (недавнее “болото”. — Е.Г.) или пролетариат... Мы всеми силами стараемся поднять русское “общество” в его освободительных стремлениях... Уже теперь при всем разнообразии революционных взглядов ясно, что только два направления могут у нас рассчитывать на будущее: либеральное и социал-демократическое. Все остальные “программы” представляют собой эклектическую смесь этих двух направлений и потому осуждены на исчезновение»⁵², так как для них вопрос о крестьянстве, утверждал Плеханов, «является только специальным средством для теоретических споров».

Энгельс, как и Кравчинский, думал иначе. В это же время он обращал внимание своего многолетнего корреспондента и адресата Даниельсона на то, что Россия, становясь все более европейской страной, все-таки существенно отличается от Западной Европы преобладанием в экономике мелкого крестьянского хозяйства, а в политической жизни — нерешенностью аграрного вопроса, существенно усложняющего из-за этого задачи общественного переустройства России. В беседе с Воденом (1894 г.) Энгельс говорил, что «русским социал-демократам нужно всего серьезнее заняться аграрным вопросом в России, что ждет на эту тему книгу Даниельсона, но не надеется на исчерпывающий ответ, хотел бы, чтобы Плеханов занялся этим вопросом и именно в серьезном исследовании, а не в полемических статьях»⁵³.

Плеханов не мог заняться этим вопросом и другими тоже. В 1895 г. впервые с ним встретился Ленин. В беседе он выказал озабоченность теми же проблемами, что и россияне в конце 1880-х годов, а Энгельс — в 1893—1894 годах. Плехановцы были шокированы заявлениями Ульянова-Ленина: они считали эти проблемы давно решенными в теории «трудами» Плеханова. За настойчивое стремление доказать невыясненность указанных проблем Засулич дала Ленину кличку «вскрыватель». Ленин, в свою очередь, был шокирован проявлением открытого «вождизма» Плехановым. Второй раз он столкнулся с «вождизмом» Плеханова в 1899—1900 гг. и вынужден был написать заметку «Как чуть не потухла “Искра”». В 1902 г. при подготовке II съезда РСДРП им обоим пришлось написать проекты программы партии, обменяться ими друг с другом и высказать свои суждения. В замечаниях на проект, составленный Плехановым, Ленин серьезным недостатком посчитал

«отстранение и затемнение вопроса о специально русском капитализме... — русская программа не может быть в этом отношении одинакова с европейскими»⁵⁴, — утверждал он. Были и другие замечания, в том числе и о российском крестьянстве, о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства в российской революции. Отстраненность Плеханова от сугубо российских проблем была очевидной, и все-таки он опять стремился к лидерству в партии. По его инициативе на II съезде разгорелась дискуссия «из-за вопроса — быть или не быть режиму личной диктатуры в партии». Это свидетельство самых близких соратников Плеханова: Ю.О. Мартова, Ф.И. Дана, А.А. Мартынова в уже упоминавшемся «Открытом письме». Пусть мизерным большинством, но Плеханов еще раз не был допущен к лидерству. В ответ создал фракцию меньшевиков, и здесь ему, наконец, удалось стать лидером.

После революции 1905 г. на свободу вышли Лопатин, Фигнер, Н.А. Морозов, А.Н. Бах, Прибылева-Корба. В Париже начал издавать журнал «Былое» В.Л. Бурцев, в котором появились воспоминания этих и многих других остававшихся в живых участников общественного движения второй половины XIX века. В 1907 г. Ленин редактировал и переводил переписку Маркса и Энгельса с лидерами социал-демократических партий в Европе и Америке. Так ему стала известна характеристика, данная плехановцам Марксом. Знали эти материалы и соратники Плеханова по фракции меньшевиков (Мартов, Потресов, Мартынов). Резко критикуя личные качества Плеханова, они называли его инсинуатором. Даже, казалось, преданные ему соратники не желали закрывать глаза на стремления Плеханова к диктатуре личности.

Как показывают многочисленные свидетельства, достижения мировой прогрессивной философской и социально-политической мысли в XIX в. становились достоянием российской интеллигенции часто раньше, чем к ней приобщались европейцы. Профессора университетских центров, писатели, литературные критики, журналисты делали ее достоянием российской молодежи задолго до того, как к ней начал приобщаться Плеханов. Осваивая новации западноевропейской общественно-политической мысли, Плеханов воспринял популярное в мире на рубеже XIX—XX вв. учение марксизма не творчески, а догматически, усвоив в нем — как окончательно сложившееся — учение о классах, классовой борьбе, о партии рабочего класса и диктатуре пролетариата. Абсолютизируя западноевропейские образцы эволюции общественных отношений, некритически воспринимая опыт главным образом германской социал-демократии, Плеханов сделал умозрительный вывод о социальном расслоении населения России.

Можно было бы предать забвению созданный им миф о «проникновении и распространении марксизма в России» («прорыв» — в толковании официальных советских историков), не имей он не только отрицательных, но даже и трагических последствий. Общественное движение шло к объединению усилий всех его направлений в борьбе за социальное переустройство. Приверженность российских «марксистов», как называл их Михайловский, догматически истолкованному марксизму мешала этому объединению. Она привела к расколу в самой социал-демократии: плехановской нетерпимостью к инакомыслию, его стремлением к установлению личной диктатуры в партии было вызвано разделение социал-демократов на большевиков и меньшевиков. Большевики тоже проявляли неприятие всех, кто отвергал учение о классах и классовой борьбе. Здесь можно говорить о трагическом заблуждении, так как и российские социологи, и западноевропейские к концу XIX в. пришли к необходимости изучения группировки людей не по классовому принципу. Статистические отчеты земств давали для этого богатый материал. «Марксисты» презрительно называли своих оппонентов «субъективными социологами» и, придя к власти, предали их имена и труды забвению.

Судьба «родоначальника российского марксизма» представляет интерес и с точки зрения нравственной, которая необходима при анализе исторических процессов и требует внимания к личному началу, свойствам характера, в первую очередь руководителей, вождей революционного движения. Между

тем Лавров, наблюдая Плеханова и его соратников, не зря считал необходимым написать в 1887 г. брошюру «Роль и формы социалистической пропаганды». В пропаганде словом, делом и поступком самой важной он считал пропаганду поступком. Именно она вела к духовному обогащению и взрослению нации.

После смерти Плеханова в хоре апологетики диссонансом прозвучали и критические оценки творчества и практической деятельности лидера меньшевиков, причем именно в меньшевистской печати. «Плеханов не производил самостоятельных изысканий, а опирался на работы историков-специалистов, лишь критикуя и обобщая результаты их исследований»; «Во всех произведениях Плеханова, часто блестящих по форме, не чувствуется той оригинальности и самостоятельности, граничащей с гениальностью, которыми отличались произведения Чернышевского»; «От него не осталось ни одного произведения, написанного в тоне спокойного объективного исследования»⁵⁵. И далее о месте и роли Плеханов в российском рабочем движении: «Несомненным несчастьем для русского рабочего движения было то, что его идейный вождь, Плеханов, оставался все время за границей, не соприкасался непосредственно с живым его источником, с рабочими массами»⁵⁶. Плеханов не знал русских рабочих, рабочие не знали Плеханова...

Вождизм — страшная болезнь, был затронут ею и Ленин, но в отличие от Плеханова он имел систематическое образование, много и плодотворно работал и имел в своем окружении знающих людей. Поэтому он мог признать совершенные крупные ошибки, делал попытки их исправить, как то было с поворотом к нэпу. Ни Плеханов, ни те, кто сменил Ленина, этого никогда бы не сказали, а нэп свернули и провели насильственную коллективизацию.

Плеханов считал себя «родоначальником российского марксизма», его соратники называли его вождем российского рабочего класса. Этот миф использовали большевики, когда возникла необходимость идею вождизма закрепить в сознании широких слоев населения советской России. «Родовитость происхождения» от Маркса, Энгельса и их соратников придавала солидность этому мифу. Между тем осталась непроделанной та работа, которую проводила передовая интеллигенция через земства в глубинке и образовательные центры в больших городах и которую русские «марксисты» презрительно именовали «культуриничеством».

Примечания

1. После второй мировой войны были доставлены в СССР архивные материалы известной Пражской коллекции; в 1960—1980-е годы у нас и за рубежом были изданы многочисленные сборники документов: Революционное народничество 70-х годов XIX века. М. 1965; СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ С.М. В Лондонской эмиграции. М. 1968; К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М. 1967; Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М. 1969; Переписка членов семьи К. Маркса с русскими политическими деятелями. М. 1974; Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М. 1979; Сводный каталог нелегальной и запрещенной печати XIX века. М. 1971; «Вперед!». 1873—1876. Материалы из архива Валериана Николаевича Смирнова. Собрал, снабдил примечаниями и очерками истории «Вперед!» Борис Сапир. Тт. 1—2. Dordrecht—Boston. 1974.
2. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с.3—4, 77, 278, 517, 76, 78, 444.
3. Летописи марксизма, 1928, кн. 5, с. 22; Красная летопись, 1924, № 2 (11), с. 193—194; Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. 4. М.—Л. 1929, с. 356—423; ДВОРКИНА М.Д. Русская революционная литература в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. В кн.: Федоровские чтения. 1975. М. 1977; ВОЛОДИН А.И., ИТЕНБЕРГ Б.С. Карл Маркс и Николай Даниельсон. — Вопросы истории, 1983, № 11.
4. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 746, примеч. 57. См. Обращение ИК Народной воли к Марксу в Лондон: «Класс передовой интеллигенции России, всегда внимательно следящий за идейным развитием Европы и чутко реагирующий на него, с восторгом встретил появление Ваших научных трудов» (там же, с. 427; см. также: Их имена переживают века. М. 1983, с. 15, 152, 49, 57, 65, 78, 137—138, 153, 156).

5. У Маркса было основание заявить: «Если даже принять во внимание все различие эпох и существенную разницу в среде, она (русская молодежь. — *Е.Г.*) все же стоит гораздо выше, чем стояла когда-либо наша немецкая молодежь, даже в лучшую ее пору, в начале 30-х годов» (К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 42; МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 35, с. 190, 342; т. 22, с. 448; т. 36, с. 147; т. 19, с. 252, 253, 355, 75, 585, 358; Письма И.Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф.А. Зорге. СПб. 1907, с. 273).
6. Дело 1 марта 1881 года. СПб. 1906, с. 333.
7. ТРОИЦКИЙ Н.А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов. 1983, с. 226—227.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5805, д. 157, л. 27; д. 214, л. 214.
9. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 86, 88. Содержание этих писем стало известно группе в 1907 году. Очень были обижены, оправдывались тем, что народовольцы будто бы «дезориентировали» Маркса (словно он был не в состоянии составить себе самостоятельное суждение).
10. Много лет спустя Дейч, греша против истины, утверждал, что идею «крестьянской революции» им подсказал якобы Энгельс. См.: Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 335; АКСЕЛЬРОД П.Б. Группа «Освобождение труда». — Летописи марксизма, 1928, № 6, с. 90; ПЛЕХАНОВ Г.В. Соч. Т. 24. М.-Л. 1924, с. 159; Группа «Освобождение труда». Сб. 1. М.-Л. 1924, с. 171; сб. 2. М.-Л. 1924, с. 251.
11. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 86, 88.
12. Литература партии «Народная воля». М. 1930, с. 127; ТАРАТУТА Е.А. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М. 1973, с. 354.
13. Переписка Плеханова и Аксельрода. М. 1925, с. 59.
14. МАРТОВ Л., МАРТЫНОВ А., ПОТРЕСОВ А. и др. Открытое письмо П.Б. Аксельроду и В.И. Засулич, март 1912 г., с. 5, 6.
15. Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 254.
16. ДЕЙЧ Л.Г. Первые шаги группы «Освобождение труда». В кн.: Группа «Освобождение труда». Сб. 1, с. 17.
17. ЗАСУЛИЧ В.И. Правдивый исследователь старины. — Былое, 1918, № 13, с. 180.
18. Группа «Освобождение труда», сб. 1, с. 218—219; Летописи марксизма, 1928, № 6, с. 99.
19. Историко-революционный сборник. М.-Л. 1924, с. 400; Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 313—314;
20. БЕРНШТЕЙН Э. К. Маркс и русские революционеры. — Минувшие годы, 1908, № 11, с. 18, с. 24.
21. Группа «Освобождение труда», сб. 1, с. 178, 185.
22. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч., т. 34, с. 297, 299, 295, 460, 308—323, 301, 305, 306, 330—331, 481, 373, 349, 351; т. 35, с. 125, 318—320; т. 36, с. 204—207, 488—491, 32—33, 623; т. 38, с. 156. В советское время Аксельрод называл эти заметки Энгельса оппортунистическими, а самого Энгельса — оппортунистом, которого якобы дезориентировали народовольцы.
23. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч., т. 36, с. 32—33; т. 19, с. 21—22; т. 38, с. 153—155; т. 33, с. 494; т. 34, с. 330—331; Переписка Плеханова и Аксельрода, с. 236—237; Русские современники, с. 88—256.
24. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Ук. соч. Т. 34, с. 489—490; К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 635—636, 514—515.
25. Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе, с. 88—256.
26. Группа «Освобождение труда», сб. 1, с. 177, 179.
27. Там же, с. 245.
28. ПЛЕХАНОВ Г.В. Избр. философские произведения в 2-х томах. Т. 1. М. 1956.
29. Группа «Освобождение труда», сб. 2. М.-Л. 1924, с. 243, 245; Летописи марксизма, 1928, № 6, с. 99—102.
30. Стефанович не смог обеспечить Судейкину «проход» в центр «Народной воли» — возможности его были ограничены, но в награду за откровенности Департамент полиции снабдил его теплыми вещами и теплой постелью, хотя и отправил очень далеко — на Кару.
31. Народная воля, 1884, № 10.
32. Это письмо было опубликовано в «Летучих листках» (1897, № 37), изданных Фондом Вольной русской прессы (ФВРП). Фонд, организованный в Лондоне в 1892 г. Степняком-Кравчинским, имел филиалы и склады литературы в ряде стран Европы и в США. В 1893 г. ФВРП приобрел архив М.Т. Лорис-Меликова, там, очевидно, находилось и это письмо Каткова.
33. Музей революции Ленинграда. Т. 1. Л. 1923. Сообщил Р. Кантор.
34. Эти документы оказались в руках революционеров-эмигрантов и были напечатаны в «Самоуправлении», «Социалисте», «Свободной России».
35. Самоуправление, 1889, № 3, с. 1; Памяти В.А. Гольцева. М. 1910, с. 141; РОЗЕНБЕРГ В. Журналисты безвременья. М. 1917.
36. ГАРФ. ф. 102, 7-е д-во, 1888 г., д. 178, т. 2, ч. 1, л. 20; Свободная Россия, 1889, № 1, с. 57.

37. ДЕЙЧ Л.Г. О воспоминаниях Аксельрода. — Пролетарская революция, 1923, № 10 (22), с. 195, 200.
38. Архив Дома Плеханова (АДП). АА.87.2, инв. 11508.
39. ГАРФ, ф.102, 7-е д-во, 1888 г., д. 178, т. 2. О лицах, распространявших газету «Самостоятельность». Ч. 1, л. 110, 20.
40. Переписка Плеханова и Аксельрода, т. 1, с. 33—34.
41. Из архива Аксельрода. Берлин. 1924, с. 34, 37.
42. Там же, с. 67; Исторический архив, 1956, № 6, с. 8.
43. Обзор важнейших дознаний..., XVI, 1892—1893, с. 97—98.
44. Совместная деятельность россиян и эмигрантов тех лет отражена во многих документах. См. напр.: ЛАВРОВ П.Л. Воспоминания о С.М. Гинсбург. — Голос минувшего, 1917, № 7-8, с. 237; ГАРФ, ф. 112, Особое присутствие Правительствующего Сената (ОППС), оп. 1, д. 636 («По обвинению С.М. Гинсбург»), л. 159—160; д. 634—635; ф. 1463, оп. 3, д. 88; ф. 5824, оп. 1, д. 117, л. 35; ф. 1762. Лавров; ф. 6150, СЛФ; ф. 5805. Чайковский; ф. 6753. Н.В. Кончевская; ф. 6225. Дебагорий-Мокриевич; ф. 7221. А.Л. Теплов; ф. 1767 (Вещественные доказательства).
45. Оправдывая Плеханова, ряд авторов утверждает, будто заниматься вопросами социально-экономического развития России того времени «было абстрактно-схоластическим занятием» (см.: ВОДОЛАЗОВ Г.Г. От Чернышевского к Плеханову. М. 1969, с. 199; ПАНТИН И.К., ХОРОС В.Г., ПЛИМАК Е.Г. Революционная традиция. 1783—1883. М. 1986). В худших традициях плехановского неприятия инакомыслия и крайней нетерпимости отстаивал утвердившуюся схему Р.В. Филиппов в статье «Не уходим ли мы от исторической правды?» (Вопросы истории КПСС, 1987, № 6).
46. ЛАВРОВ П.Л. Годы эмиграции. Т. 2, с. 181, 182, 191, 186—188.
47. Цит. по: ТАРАТУТА Е.А. Ук. соч., с. 374.
48. Переписка Плеханова и Аксельрода, т. 1, с. 59—60.
49. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 46, с. 46.
50. Летописи марксизма, 1930, № 2 (12), с. 46.
51. КРАВЧИНСКИЙ С.М. В лондонской эмиграции. М. 1968, с. 324.
52. Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1, с. 236—237. Приложение № 6.
53. ВОДЕН А. На заре легального марксизма. — Летописи марксизма, 1926, № 3-4, с. 90.
54. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 236.
55. КОЛОКОЛЬНИКОВ П., МАРТЫНОВ А. Памяти Плеханова. — Дело, 1918, №№ 6-7, 9; НАУМОВ Г. Плеханов (1856—1918). Киев. 1919, с. 6; МАРТЫНОВ А. Памяти Плеханова. — Дело, 1918, март—апрель.
56. ГРИНЕВИЧ В. Памяти Плеханова. — Там же, № 13, с. 8—10.